

УДК 801.8

**«КАК СКВОЗНЯК МЕЖ ПЛЕННЫХ ПУГАЛ»: БЕЗРАЗЛИЧИЕ КАК
ЛЕЙТМОТИВ ЛИРИКИ Е.Е. МЯКИШЕВА**

Федотова Д.С.,

студентка Института филологии и массмедиа,

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,

Калуга, Россия

Балашова Е.А.,

доктор филологических наук, доцент, научный руководитель

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского,

Калуга, Россия

Аннотация. Целью данной статьи является выявление лейтмотива в лирике современного российского поэта Евгения Мякишева на примере избранных произведений сборника «Взбирающийся лес» 1998 года. Объектом данного исследования становятся стихотворения «Страх» и «Я проснулся – тусклый полдень...». Мы рассматриваем как основной – мотив смирения в лирике поэта, оттолкнувшись от характеристики В. Топорова, данной Мякишеву: «он ужаснулся ничтожности собственного существования». В ходе работы применялись следующие методы: метод медленного чтения, структурный метод, а также метод литературной герменевтики. Актуальность исследования обосновывается низкой степенью изученности творчества Е. Мякишева.

Ключевые слова: современная поэзия, лирика XX века, Е.Е. Мякишев, сон, страх, безразличие.

**«LIKE A DRAUGHT AMONG THE CAPTIVE DREADS»: INDIFFERENCE AS
THE KEYNOTE OF E.E. MYAKISHEV'S LYRICS**

Fedotova D.S.,

student at the Institute of Philology and Mass Media,

The Kaluga State University after K. E. Tsiolkovsky,

Kaluga, Russia

Balashova E.A.,

doctor of philological sciences, Docent,

The Kaluga State University after K.E. Tsiolkovsky,

Kaluga, Russia

Abstract. The aim of this study is the reveal of the keynote in the lyrics of the modern Russian poet Evgeny Myakishev by the example of the selected works of the collection “Climbing forest”, 1998. The object of this study are the poems “Fear” and “I’ve got up, it is a sordid day”. The animator of the humility is under our consideration as the main one in the lyrics of the poet starting with the characteristics made by V. Toporov for Myakishev: “He was frightened by the insignificance of his own existence.” In the process of studying, there were used such methods as: the method of slow reading, the structural method and the method of literary hermeneutics. The relevance of the study is grounded by the low degree of E.E. Myakishev’s oeuvre.

Key words: modern poetry, lyrics of the 20th century, E.E. Myakishev, dream, fear, insignificance.

Образы поэта Е. Мякишева насыщены «жизнью, той, какая есть: злой, иногда грязной, умной, иногда тонкой. Эгоистичной. Полной наслаждений и похмелей, внезапных откровений и тоски по совершенству»¹, – так писал о поэте Иконников-Галицкий.

Как нам представляется, именно от тоски по идеалу и осознания собственной ничтожности и рождается поэзия Мякишева.

¹ Иконников-Галицкий А. «Я хотел бы верить, что я не дрогну...» // Иконников-Галицкий А. Пропущенное поколение. — СПб., 2005.

Обратимся к стихотворению «Страх». Оно помещено в книгу стихов, хотя, по сути, является ритмизованной прозой². Тем не менее наличие ритма и использование только односложных слов заставляют текст тяготеть к поэзии:

Страх³

Шёл снег. Был день. Я спал – вдруг стук. «Кто там?» «Твой друг!» «Где был, чем жил?» «Был там, где дождь, но то так – смех». «Врёшь, брат, эх врёшь...» «А ты всё спишь, хмырь, всю жизнь спишь, гад! В чем твой прок, смысл, а? Дрянь! Ты встань и в путь!» «Ты что, вошь, цыц! Да, я сплю. Ну и что? Ведь мой сон, мой дом, а ты, пень, пшёл прочь. Брысь, брысь!» «Я прочь?! Ну – нет. Дай жрать, дай пить, дай кайф. Я – друг. Ты мне брат, вот!» «Ешь шиш, змей, ешь хрен. Пшёл вон, хам, пёс, бык». «Ты что – псих? Да я же брат, друг твой, брат твой!» «Нет уж, ты не брат. Ты – враг, враг!» «Не враг я, не враг. Вот грудь – в ней стук: тук-тук, тык-дык. Кровь бьёт в лоб!» «Ври, ври, клоп. Где кровь, где стук. Всё ложь! Всё лжёшь». «Да нет же, нет, не вру. Ей-ей, брат. Ведь ты мне брат. Эх, дай, что ль, жрать. Есть харч: суп, хлеб, сыр? Дай пить. Есть спирт?» «Вот чёрт. На – жри мой харч, мой хлеб-соль. Вот стул, стол. Жри, жри, конь!» «Я – конь?! Ты лжёшь, брат. Я твой брат. Друг! А ты лжёшь!» «Ах ты, волк, зверь! Жрёшь – жри. Но так, как ты сейчас – мрак». «Да я ведь друг!» «Нет, ты конь!» «Я конь? На в нос, на в лоб, на в глаз!» Тук-тук. Боль. Тьма. «Я конь? На в грудь, на в бок!» Тук-тук. Боль. Страх. «Не бей, псих. Не бей!» «Я псих? На в бровь, на в глаз!» Тук-тук. Боль. Злость. «Ах, так. Ну, стой. Вот нож. Сейчас – вжик, и ты – труп». Вжик-вжик. Труп на пол – бух. Крик, кровь. Как быть? Спать! Спать. Пусть труп, хрен с ним. Спать! Сон – свет, сон – стих! Но ведь смерть – тьма. Но ведь сон – свет. Эх, спать, спать.

² Подробнее о ритмизованной прозе см. в работах: Кормилов С.И. Маргинальные системы русского стихосложения. — М.: МГУ, 1995. — 160 с.; Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. — 366 с.

³ Мякишев Е. Взбирающийся лес. — СПб., 1998.

Текст состоит из высказываний героя и неизвестного читателю субъекта⁴. Это обосновывает большое количество знаков препинания: восклицательных и вопросительных знаков, тире, кавычек. Они приносят в стихотворение долю эмоциональности и выразительности. Оформление текста, как и его содержание, напоминает диалог.

Герой общается со своим страхом в облике живого человека. Возможно, его мучит бессонница от постоянно скачущих мыслей, с которыми он не в силах совладать. Во время последующих прочтений проясняется другая картина. Кажется, что человек ведет диалог с самим собой, а страх живет внутри него.

Между кавычками сознательно пропущены знаки препинания, а именно тире, которое должно отделять реплики двух субъектов друг от друга. Следовательно, субъект высказывания один. При этом сложно назвать данное произведение монологом. Тогда весь текст – это не что иное, как поток сознания героя, диалог с самим собой.

Стихотворение наполнено множеством повторяющихся фраз: «врешь, брат, эх врешь», «брысь, брысь», «жрешь – жри», «не враг я, не враг» и другие. Создается эффект эха: будто эти фразы отзываются где-то в душе героя.

Всё стихотворение состоит из коротких отрывистых предложений, что создает ощущение тревоги, которое долго не покидает не только героя, но и читателя. К тому же беспокойство, появившееся вначале, с приходом неожиданного гостя, только усугубляется, и уже к середине стихотворения превращается в страх. Во всем произведении нет ни единого слова, где было бы больше одного слога. Некоторые слова намеренно сокращены автором: «пшёл», «счас». Из-за этого чувствуется напряжение героя на протяжении всего текста.

Субъект высказывания спал, когда к нему в голову «постучалась» страшная мысль, не дающая покоя. Кажется, из-за нее он ненавидит себя. Это мысль о ничтожности и бессмысленности собственной жизни. Из слов героя

⁴ О возможностях анализа и интерпретации текста в связи с использованием термина «субъект сознания» см.: Балашова Е.А., Каргашин И.А. Анализ лирического стихотворения. — М.: Наука. Флинта, 2017. — 188 с.

ясно, что единственное убежище, его «дом», место, где он не боялся, – это сон, но и здесь страх прожить никчемную жизнь настиг его.

Фрагмент, где страх просит у человека еды и питья, особенно примечателен. Поначалу герой отказывается давать ему свою пищу, но позже сдается и буквально кормит свой страх.

На протяжении всего текста герой оскорбляет своего «гостя», часто обозначениями «животных»: вошь, змей, пёс, бык, клоп, конь, волк. Собеседник не обращает внимание ни на что, кроме «коня». Причина такой агрессивной реакции проясняется, если узнать, что по одной из версии на тюремном жаргоне «конем» называют безропотного, трусливого, никчемного человека. Кажется, что таким образом герой дразнит свой страх, старается задеть его за живое, что приводит к столкновению.

В конце произведения случается драка, происходит борьба человека со своим страхом, в которой оба субъекта наконец сливаются воедино. Интересно, что именно в этом фрагменте текста, между репликами, появляются назывные предложения: «Тук-тук. Боль. Тьма», «Тук-тук. Боль. Страх», «Тук-тук. Боль. Злость». Они сильно выбиваются из ряда фраз не только отсутствием кавычек, но и своей сухостью, безэмоциональностью. Возможно, эти предложения – своеобразные ремарки ко всему происходящему. Стоит предположить, что первое предложение («Тук-тук.»), напоминающее нам биение сердца, передает напряженность, накал обстановки, второе («Боль.») – описывает общее физическое состояние героя, а третье («Тьма.», «Страх.», «Злость.») – показывает эмоциональную составляющую героя.

В конечном счете герой одерживает победу и убивает своего противника. Но что он чувствует после этого? Ничего. Герой избавился от своего страха, но он не хочет что-то менять в своей жизни. Он равнодушен ко всему, даже к бессмысленности своего бытия. Он снова погружается в сон.

Обычно человек, преодолевая свой страх, становится только сильнее. Тревоги и переживания в некоторой степени помогают стать лучшей версией

себя. Надо лишь действовать. Но в произведении герой выбирает другой путь – безразличие. Именно это его и умерщвляет. Здесь можно проследить равенство: сон = безразличие = смерть.

Сонливость, лень, даже апатичность лирического субъекта и всей обстановки в целом становятся предметом авторских оценок и в другом стихотворении Мякишева – «Я проснулся – тусклый полдень...». Об этом свидетельствуют эпитеты «тусклый полдень», «медленные светлы». Да и сам факт того, что герой проснулся только в полдень и, не вставая с кровати, первым делом позвонил своей знакомой, многое может сказать об этом человеке:

* * *⁵

Я проснулся – тусклый полдень
Светит медленные светлы.
Телефон знакомой Светы
Я набрал: «Уж подан полдник, –
Говорит лениво Света, –
Позвони, приятель, позже –
У меня в носу пипета,
Да ещё поднялись дрожжи,
То есть тесто... Ну, покуда,
Созвонимся через часик...»
Дать бы ей понюхать кеда
Или лучше под матрасик
Положить, а сверху гирьку
Двухпудовую поставить,
Дав, конечно, съесть просвирку,
Но её слегка отравить –
Тараканьим, скажем, ядом,
А того милей – крысиным.
Нет, попы окрестят гадом,

⁵ Мякишев Е. Вздохающий лес. — СПб., 1998.

Святотатцем, блудным сыном,
Или псиною приبلудной,
Иль каким котом помойным.
Начиная подвиг трудный –
Новый день, – я с недостойным
Воплем, встав с постылых простынь,
Головою бьюсь об угол.
И иду по жизни – просто –
Как сквозняк меж пленных пугал.

Героиня стихотворения Света так же, как и герой, ленива и медлительна, но, как выясняется, у нее много «важных» дел, ей даже некогда разговаривать по телефону. Именно этими словами она задевает лирического субъекта так сильно, что он намеревается ее убить. Но при этом настроение всего стихотворения не меняется. Герой рассматривает различные способы убийства все с той же легкостью и непринужденностью.

Сначала он собирается дать ей «понюхать кеда». Что конкретно здесь имел в виду герой, не совсем понятно. Возможно, это удар ногой по лицу, возможно, он говорит о дозе препарата, которая убивает кошку. В любом случае, такой вариант его не устраивает, и он считает, что лучше положить ее под «матрасик», придавить сверху «гирькой», а перед этим «слегка» отравить тараканьим или, «милей» будет, крысиным ядом. Видно, что все эти размышления приносят ему удовольствие. Появляется ощущение, что это уже не просто мысли, а мечты.

Стихотворение пронизано иронией. Особенно комична ситуация, когда герой размышляет, каким бы самым изощренным способом убить свою жертву, и при этом не забывает, что ей обязательно и просто необходимо съесть просвиру, пусть и отравленную.

Но почему герой так обозлился на Свету? Вероятно, он позвонил ей, чтобы убедиться, что она, как обычно, ничего не делает, что прожигает свою жизнь, как и сам герой. Но услышал другое. У лирического субъекта не осталось

оправданий для собственного никчемного существования. Он понимает чудовищность своего положения, боится этого, злится из-за этого, но продолжает бездействовать. Единственное, на что он способен, – раздумывать о способе убийства и о том, как его после этого назвали бы.

После размышлений об убийстве в тексте появляется слово «нет». Оно дает надежду на то, что герой пришел в себя. Сначала можно подумать, что лирический субъект действительно опомнился и понимает, что просто бесчеловечно даже думать об убийстве, но все становится на свои места, когда герой начинает перечислять аргументы. Становится понятно, что слово «нет» относится не к тому, что нужно отказаться от убийства, а к тому, что нельзя портить отравой просвиру, т. е. богослужебный хлеб. Настроение с этого четверостишия уже начинает меняться. Раздражение и неприязнь растет и развивается, но уже не к Свете, а к самому себе.

Эти эмоции переходят и в заключительные строки. Здесь окончательно становится понятно, что лирический субъект ненавидит именно себя. Для героя каждый новый день – это «подвиг трудный». Вставая с «постылых простынь», он каждый раз ударяется головой об угол, но даже это не заставляет героя что-то поменять в своей жизни.

В конце стихотворения проясняется причина этого отвращения к самому себе. Такая жизнь вызывает лишь жалость. В ней нет ни дел, ни забот, ни счастья. Такая жизнь пуста и никчемна, и сам герой это понимает. Он озлоблен на себя, но продолжает жить «как сквозняк меж пленных пугал». Само сравнение наталкивает нас на мысль о призраке, который бесцельно передвигается по миру, что раскрывает мотив смерти в этом тексте. Как и в стихотворении «Страх», герой остается равнодушным, не хочет ничего менять. Здесь также можно увидеть равенство: сон = безразличие = смерть.

Таким образом, основываясь на произведениях «Страх» и «Я проснулся – тусклый полдень...», можно сделать вывод о том, что лейтмотивом лирики Е. Мякишева можно считать безразличие к своей жизни, так как именно оно

побуждает героев ненавидеть себя, «приковывает» их к кровати и делает мертвецами. Стоит отметить, что в обоих текстах, несмотря на мнимое присутствие собеседника⁶, есть еще и мотив глубокого одиночества. Все эти мотивы сливаются в единый образ, который раскрывает тему осознания собственной ничтожности.

Библиографический список

1. Балашова Е.А., Каргашин И.А. Анализ лирического стихотворения. — М.: Наука. Флинта, 2017. — 188 с.
2. Гинзбург Л. О лирике. — М.-Л., 1974. — 274 с.
3. Иконников-Галицкий А. «Я хотел бы верить, что я не дрогну...» // Иконников-Галицкий А. Пропущенное поколение. СПб., 2005.
4. Кормилов С.И. Маргинальные системы русского стихосложения. — М.: МГУ, 1995. — 160 с.
5. Гиршман М.М. Ритм художественной прозы. М.: Советский писатель, 1982. — 366 с.
6. Мякишев Е. Взбирающийся лес. — СПб., 1998.
7. Топоров В. The Real Thing. Предисл. к Мякишеву // Мякишев Е. Колотун. СПб., М., 2009.

© Федотова Д.С., Балашова Е.А., 2023.

Оригинальность 86%

⁶ Об адресате лирики см.: Гинзбург Л. О лирике. — М.-Л., 1974. — 274 с.